

Библиография

А. Ю. Соловьев

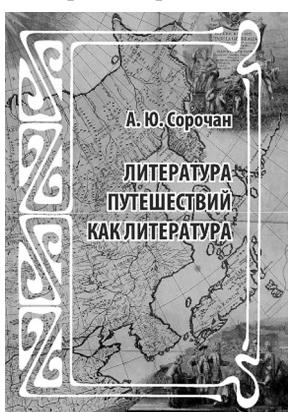
Путешествия должны быть литературой?

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_352

Сорочан А.Ю. Литература путешествий как литература.

Тверь: Альфа-пресс, 2024. — 256 с. — 350 экз.

Если мысль, которую стремится донести автор, никак не хочет «вычитьваться» из книги, в этом может быть повинен не он сам и не читатель, знакомящийся с нею на бегу или же просто некомпетентный. Бывает, что тема, сколько бы она ни была интересна сама по себе, подводит к более широкой области исследования, которая включает в себя заявленную, а сама в заданные рамки уже не помещается, намечая перспективу работы. С хорошими авторскими сборниками статей, вероятно, так и должно происходить: это не отчет о проведенном исследовании или «избранное», а заявка на будущее, фиксация некоего этапа научной мысли. Как таковую мы и рассматриваем книгу А.Ю. Сорочана.



По набору рубрик она напоминает альманах или спецвыпуск журнала: большая теоретическая статья в начале, выстроенные по хронологии статьи по теме номера, отделы «сообщений» и рецензий, а в качестве «письма в редакцию» небольшое послесловие. Никакого заключения или общих выводов в таком авторском альманахе, конечно, не может быть, и рассказывать о нем, абстрагируясь от личного восприятия, трудно.

Наконец, третье соположение ближе к метафоре. Книга о путешествиях сама отчасти построена как книга-путешествие, причем в форме писем к читателю (ср.: «Впрочем, вы с легкостью сможете предложить иные варианты развития...», с. 76, и др.). Для изучения авторской манеры можно открывать любое из них. Начнем с темы, вынесенной в заглавие.

К русской литературе путешествий¹ как нельзя больше применим как бы неоформистский тезис Сорочана, открывающий книгу: «...исследовать нужно именно литературу...» (с. 3). И не только потому, что, как он отмечает, работы последних десятилетий нацелены на внеположные словесности ряды: идеологию, социологию и т.д., — но и потому, что сама литературность этих текстов часто ставится под сомнение (за исключением разве что произведений классиков: Карамзина, Пушкина, Гончарова, Достоевского). Остается неопределенным и что включать в категорию путешествий: только произведения о реальных передвижениях в пространстве или также условные travелоги, например кн. Щербатова и Радищева (и если так, то на какой границе заканчивается условность и начинается вымысел: на Фенелоне и Бартелеми или на «Айболите»). Нужно ли учитывать фрагменты произведений разных жанров, описывающие путешествие, а также, по формулировке Сорочана, «научные отчеты, становящиеся поэмами, и коммерческие сводки, построенные по принципам “логистики”, и неоимперские публицистические рассуждения»² (с. 77) и т.д.

Очевидно, многих представителей общего класса путешествий можно объединить в группы по географическому или хронологическому признаку и изучать то, как в них отражается время или место³. Приращение знания таким путем возможно и полезно, но, как справедливо отмечает Сорочан, «подробное описание путешествий по отдельному региону, характеристика путевых текстов определенной эпохи <...> еще не приближают нас к пониманию того, в чем же состоит особенность литературы путешествий» (с. 65). Между тем есть принципы, по которым она строится независимо от того, к какой группе мы причисляем то или иное произведение. Рецензируемая монография, объединившая результаты многолетнего изучения литературных путешествий, нацелена именно на выявление таких принципов. Однако ни во введении, ни в заметке «Вместо заключения», ни в других подходящих для этого местах книги они не поименованы, а значит, они важны не сами по себе.

Обратим внимание, что книга Сорочана принадлежит к произведениям того типа научного мышления, который имеет свойство дополнять, взаимно обогащая, теорию и практику. Разговор о конкретном путешествии одновременно подразумевает заметки на полях теоретического или историко-литературного исследования, отзыв-отклик на него. Так, анализ путевых заметок Н.И. Гречи отталкивается от некоторых положений учитывающей почти только признанные шедевры монографии Дерека Оффорда «Путешествия на кладбище»⁴ (имеется в виду Европа для русских путешественников, изображение которой рассмотрено в контексте вестернизации русской элиты), — чтобы прийти к признанию важности малозаметных явлений, которые Оффорд игнорирует в своем построении. Набросок перспектив изучения «Фрегата “Паллада”» вдохновлен комментарием к академическому Полному собранию сочинений И.А. Гончарова (и возвращает к концепции Оффорда, а также, на

1 В рамках данной рецензии не рассматривается чисто теоретический вопрос о различии терминов «литература путешествий» и «литературное путешествие», в котором автор этих строк с А.Ю. Сорочаном расходится.

2 Так, к первой группе можно отнести трансформацию, которую пережили оформленные как отчет о путешествии разыскания П.С. Палласа в поэме С.С. Боброва «Таврида»; ко второй — многочисленные путеводители; третью отчасти представляют «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского.

3 Работы такого рода слишком многочисленны, чтобы приводить примеры. См., например, библиографический указатель: Русский travелог XVIII — начала XX веков: аннотированный указатель / Ред. Т.И. Печерская. Новосибирск: Немо пресс, 2018. С. 661–733.

4 Offord D. Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing. Dordrecht: Springer, 2005.

первый взгляд неожиданно, отсылает к Найджелу Трифту⁵, одному из столпов современной социально-экономической географии). Историко-литературный сюжет дает возможность составить теоретическую задачу, а размыщение о теории влечет практические выводы. Эвристически ценными в интерпретации Сорочана выглядят многие концепции, но у каждой из рабочих гипотез есть недостатки, автор их сознает и ненавязчиво показывает читателю их ограниченность. Работа Оффорда, «одно из самых оригинальных исследований русскоязычной литературы путешествий последнего времени» (с. 66)⁶, подвергается справедливой критике за излишнюю сосредоточенность на «вершинах». Соглашаясь с Сорочаном, отметим, что и нам, особенно в свете обширного материала, открытого в последние десятилетия, она кажется устаревающей для попытки построить общую теорию путешествий, а кроме того, значительно более нацеленной на интеллектуальную историю, чем на выявление специфики литературы путешествий. Сорочан не стремится к общей теории, однако, опираясь в наибольшей степени, по-видимому, на Оффорда, предлагает рассмотреть эволюцию путешествий в рамках схемы этапов формирования национальной идентичности: «...постепенное узнавание другого ведет к ассоциированию с ним, потом совершается попытка отделить себя от иного, позднее, по прошествии времени, если такая возможность сохраняется, иное становится камертоном, которым поверяются все новые и новые события и явления» (с. 75–76, ср. на с. 136).

Но как раз материал путешествий, на наш взгляд, противоречит указанной последовательности. С первых будто бы свидетельств процесса вестернизации, с петровских «птенцов», тексты о путешествиях не дают оснований для таких выводов. Нам не известны тексты, за которыми стояли бы вернувшиеся с округленными глазами из Англии, Голландии, Франции русские недоросли, даже если они и были. Описания путешествий П.А. Толстого, Б.П. Шереметева, А.А. Матвеева, в которых подробно перечисляется увиденное, будучи подчинены внутрироссийским целям и задачам, отражают специфически прикладной характер процесса петровских вестернизации и просвещения.

Ассоциирование, слияние русских с Западом знакомо нам больше по его критике. Вестернизованными можно назвать форму рассказа о путешествии, сложившуюся ко времени Карамзина (почти за целый век, не так уж и быстро), и культурный багаж русских путешественников, но это совсем другая тема. Картины, отражавшей формирование «западнической» идеологии, путешествия раннего Нового времени, описанные Сорочаном, не дают.

Если проследить схему далее, то процесс отделения русского путешественника от Западной Европы, во-первых, фиксируется очень рано (не позднее середины XVIII в.), а во-вторых, он был связан со ставшим общим местом для западноевропейской литературы выражением разочарования в успехах цивилизации и позаимствован из нее же.

Узнавание, тождество и расхождение с Западной Европой — это три фактора русской культуры в целом, которые скорее как представление об истории, чем осмысление действительных процессов, к середине XIX в. повлияли на литературу путешествий, и важно рассмотреть их влияние подробно. Но ошибкой было бы строить на этом исследование.

А.Ю. Сорочан осознает и условность предложенной им конструкции, и некоторое противоречие между нею и пафосом рассмотрения литературы путешествий

5 Thrift N. Spatial Formations. London: Sage, 1996.

6 К концепции Д. Оффорда Сорочан неоднократно обращается (с. 66, 104–105, 131 и др.), что мог бы наглядно продемонстрировать указатель имен, но он в книге, увы, отсутствует.

как литературы, которому сами конкретные разборы, надо сказать, соответствуют. Во всяком случае, выдвигая свою гипотезу в качестве альтернативы слишком стройной программе Оффорда, исследователь не ставит ее во главу угла и, возвращаясь к ней в отдельных статьях, не нанизывает на нее весь материал без исключения. Ее тем не менее можно считать основной теоретической предпосылкой книги, содержание которой значительно шире. Сам автор сразу и точно определяет свой подход как имагологический (с. 3), но не все статьи полноценно в него вписываются.

Эта широта создается из материала все же обозримого, в первую очередь литературы путешествий XIX в.⁷: помимо уже названных записок путешествий Н.И. Греча и Гончаровского «Фрегата “Паллада”», это роман Е.И. Вельтман «Приключения королевича Густава Ириковича», тексты В.И. Даля, посвященные Хивинскому походу 1839–1840 гг., «Очерки нынешней общественной жизни в России» В.П. Мещерского, «Отрывок дневника 1857 года» Л.Н. Толстого, стихотворения А.А. Фета, романы Д.Л. Мордовцева. Приведем конкретные примеры того, как Сорочан работает с этим материалом в рамках и помимо рассмотренной выше концепции «репрезентации и идентичности».

В «хивинских текстах» В.И. Даля Сорочан находит доказательства того, что писателя интересовала не столько практическая, сколько идеологическая составляющая похода. Вторжение на земли хивинцев предстает в его произведениях не как военная операция, а как цивилизаторская миссия, причем ее участникам приписывается вопреки их же свидетельствам (Далю еще не известным) общность, основанная на появлении коллективной идентичности при встрече с Другим, что, в свою очередь, подпитывает имперскую направленность текстов. Рассматривая их на фоне воспоминаний участников похода, Сорочан предлагает и иные варианты развития исследования, опираясь на то, что эти «многочисленные опыты рефлексии отражают и “колониальные” установки, и травматический опыт, и новые имагологические конструкции», «стали прототипами для последующих опытов фиксации колониального дискурса», а также отмечает «влияние эгодокументов на художественные произведения, посвященные этим событиям» (с. 83). Тем интереснее, какой аспект он выбирает сам.

Построенная как подборка тем и тезисов для дальнейшего изучения, глава о «Фрегате “Паллада”» (журнальный контекст, Гончаров и его последователи, детские и взрослые путешествия) включает сопоставление сходных описаний у Гончарова и в «Корабле “Ретвизан”» Д.В. Григоровича, что дает повод сравнить методы двух писателей-современников: «Гончаров описывает нравы, Григоровича интересует художественное их отражение...» (с. 103).

Романы Мордовцева о Древнем Египте представляют образ земель, далеких во времени больше, чем в пространстве, и привлекаемые писателем «литературные формулы способствуют тому, что иное пространство воспринимается как свое...» (с. 158). В этом отношении они противостоят «археологическим» романам и сближаются с travелогами. «“Истинный” облик древней земли» воссоздается в них при помощи литературных ассоциаций (с. 147), а не документов и исследований, даже воспроизведимые в них тексты папирусов «принадлежат не истории, а литературе» (с. 153), подобно тому как личные впечатления путешественника пропускаются сквозь фильтр воспринятой им литературной традиции.

На первый взгляд, из общей логики построения книги выпадают две главки, одна из которых посвящена роману Е.И. Вельтман о приключениях шведского

7 Составляющий достоинство исследования взгляд на литературу XIX столетия изнутри проблем, ее интересовавших, — одновременно главное обстоятельство, заставляющее автора игнорировать специфику путешествий XVIII и начала XX в.

принца Густава в Москве, а другая — «геополитическому» имперскому пространству России в стихотворениях А.А. Фета. Они могли бы оказаться во втором отделе, где собраны статьи о визите Г.П. Данилевского в Ясную Поляну (в отчете о котором, как часто бывает и с путешествиями, задачи текста спрятаны за внешним перечислением фактов), об антимонии «женского» и «мужского» в путевых записках Е.П. Блаватской на фоне женских травелогов ее времени, две статьи об облике провинции в русской литературе (в творчестве «тверского Баркова» Н.А. Стратилатова и трех разных авторов XX в.), и даже о движении от автобиографизма к сказке в повестях П.П. Бажова (параллель к роману Е.И. Вельтман), — в общем, о «категориях», с путешествиями «опосредованно связанных» (с. 4), как объясняет автор книги. Мы назвали бы их выходящими за рамки филологической проблематики, что на указанные две главы первого раздела не распространяется. В первом случае Сорочан выясняет, что у Е.И. Вельтман, в отличие от более известных романов ее супруга, исторический материал не противостоит фольклорным сказкам, а является «второстепенным служебным средством для создания сказочного повествования, основу которого составляют архетипические ситуации, лишь условно привязанные к исторической реальности» (с. 82). Это может послужить примером для разграничения вымышленных и реальных путешествий и дополняет проведенный Андреасом Шёнле анализ «Странника» А.Ф. Вельтмана⁸. Второй сюжет, поначалу выглядящий чужим среди исследований литературы путешествий (география и геополитика в лирике Фета), касается той же проблемы, что и большая часть вошедших в первый раздел работ: художественное осмысление дуалистической системы «Запад — Восток» (или «Россия — Европа») в текстах, разрабатывающих концепцию пространства. В этом смысле материал этих двух глав близок «маргинальным» путешествиям Грече, очеркам Даля и Мещерского.

Значит ли это, что исследование путешествий и имагогию не расцепить?

Глава об очерках В.П. Мещерского 1860-х гг. — одна из наиболее удачных в книге⁹. В эпоху реформ, когда многие стремились выразить «впечатления от преобразований в наиболее эффектной, “личностной” и в то же время типической картине» (с. 108), Мещерский выбирает форму, которую готова была воспринимать публика. Очеркиста интересовали «организованные структуры, а не люди» или, говоря его же словами, «Русь новая в своих главных учреждениях» (с. 109). Как установил Сорочан на примере тверских зарисовок, оценки Мещерского зависят от его политических пристрастий (с. 123). Не реальное положение дел, но верховенство в том или ином уезде либералов или консерваторов диктует тон описания этого уезда. В результате в его очерках нет изображения конкретной губернии, а есть лишь схема, «полигон для идеологического моделирования», не добавляющего ничего, например, «к знанию о Твери» (с. 124).

Найдка ключевого ракурса (поиск идеологического задания текстов Мещерского) приносит результат в данном случае, а подход, благодаря которому она состоялась, выглядит продуктивным в перспективе всего исследования. Если двигаться за путешественником от станции к станции, далеко не уехать. Для анализа литературы путешествий как литературы необходимо сначала опознать модель, по которой строится текст. Она, как показывает Сорочан, в каждом путешествии своя, с готовой меркой к новому произведению не подойти. Путешествия как губки, они впитывают эпоху, не создают ее. Общая последовательная история из них не складывается, попытка ее написать будет выглядеть калейдоскопом. И это основной

8 Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. С. 153—164.

практический вывод, к которому ведет нас книга Сорочана, как и к признанию правомочности положения, вынесенного в ее заглавие.

Путешествие — вольный жанр (если вообще жанр), который наполняется в зависимости от воли автора — но и читателя, интерпретатора, тоже. Предложим дополнения и уточнения к отдельным главам-письмам этой книги-путешествия.

Рассуждая о литературной репутации Грече, Сорочан справедливо замечает, что тот «из самого популярного сочинителя путевых очерков превращается в некий литературный аналог тех диковин, которые он с таким упоением описывает в парижских и берлинских главах своих путевых писем» (с. 77). В этом месте читателю, знакомому с литературой путешествий, вспоминается короткий эпизод из книги А. де Кюстина о встрече с писателем на борту парохода «Николай I»: французский наблюдатель заподозрил Гречу в работе на тайную полицию и пересказал разговоры с ним со смесью любопытства и презрения¹⁰.

Статья Даля в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара о хивинском городке Гурлян (с. 89—90), описывающая «покой» его жителей, в том числе бывших пленных, как альтернативу движению, войне и экспансии в других его произведениях на хивинскую тему — пример остроумного, но некорректного противопоставления: в словарном жанре описание географического объекта вряд ли может не быть статичным.

А.Ю. Сорочан, как это свойственно самим путешественникам, предупреждает, что собирался внести поправки в написанное прежде, но в итоге почти ничего не стал менять. И все же при издании монографии следовало обратить внимание на главу о Гончарове, подсказывающую новые направления изучения книги очерков «Фрегат “Паллада”». Некоторые из предложений автора уже реализованы, например контекст «Морского сборника» привлекался в работах А.В. Вдовина о взаимодействии Гончарова с Морским министерством¹¹, а колониализм его путешествия рассмотрен в монографии Э. Бояновской¹². Время показало, что идеи были действительно перспективными.

Анализируя «Отрывок дневника 1857 года» Л.Н. Толстого, Сорочан хочет показать, что этот текст — результат эволюции «швейцарского мифа» в литературе путешествий, который впервые возник у Н.М. Карамзина, и схемы «трансформации <...> сюжетов, свойственных эпохе Просвещения», — иллюстрирует имагологическую триаду узнавание — разделение — камертон (с. 135—136). Но это суждение вырастает на непроверенной посылке. Сочувственно приводимое отождествление Н.Е. Меднис исходной точки «швейцарского интерпретационного кода» и идиллического locus amoenus в «Письмах русского путешественника» (с. 127) нельзя принимать безоговорочно. Да, Карамзину принадлежат восторженные высказывания о природе Швейцарии и обитающем здесь руссоистском «естественному человеке», но его отношение часто окрашено иронией. Да, цюрихские диалоги «русского путешественника» с И.К. Лафатером чем-то напоминают античный тип

9 К сожалению, в этом месте сказалось отсутствие в работе над книгой редактора и корректора: абзац со с. 123—124 почти дословно повторен тут же, на с. 124—125.

10 Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 1. С. 106, 443 (коммент. В.А. Мильчиной и А.Л. Основата).

11 См., например: Вдовин А.В. Два ново найденных автографа Гончарова (По материалам РГАВМФ) // Русская литература. 2012. № 2. С. 31—34; Он же. Издательская экonomика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство) // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. С. 111—129.

12 Bojanowska E. A World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate *Pallada*. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2018. См. также рецензию К.Ю. Зубкова на эту книгу: Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 333—338.

перипатетического философствования, и в этом при желании можно увидеть дух Золотого века. Но другая важнейшая тема швейцарских писем — политическая — происходит из размышлений о современности и являет эту современность. «Швейцарский миф» не побег от реальности, а напротив, представление о современном, свободолюбивом и не терпящем насилия гражданском сознании¹³, альтернатива должно понятой в ходе Великой французской революции гражданственности. Так что модель Толстого, в которой «Швейцария — страна не крестьян, а салонов и гостиниц» (с. 131) — не итог, а воспроизведение на новом витке и с новыми деталями старой модели, ставшей вновь актуальной к 1850-м гг.

Эти уточнения — ни в коей мере не упрек автору, а читательские заметки на полях.

В отделе «Маргиналии», небольшом по объему, но довольно важном, выделим рецензии на две книги, представляющие целостные концепции русской литературы путешествий: Д. Оффорда и И. Клиспис¹⁴. У читателя может появиться вопрос, зачем переиздавать рецензии, ведь эти труды, пусть и «удавшиеся» (с. 217), — казалось бы, пройденный этап, даже для самих исследователей¹⁵. Однако удавшиеся — далеко не всегда то же, что востребованные российскими исследователями: ссылок на работы тех же Оффорда и Клиспис в русскоязычных источниках так мало¹⁶, что напомнить о них не лишнее. В отдел также входят отклики на имагологическое исследование Томаса Маклина о Польше и России в британской литературе XIX в., опирающееся на концепцию «воображаемых сообществ» Б. Андерсона; на написанное в русле культурной географии исследование Э. Лин об «антарктической» литературе, а также на соединяющую построения В.Н. Топорова и постколониальную критику книги Э.Ф. Шафранской о «туркестанском тексте».

Как видно из перечисления, рецензии Сорочана на эти книги представляют разнообразие подходов не только к путешествиям, но и вообще к текстам, имеющим «географический» аспект. Суждения, высказанные в откликах, касаются не только проблем, рассматриваемых в самих книгах, но и других вопросов, например о большой роли «путешествия воображения», которое в русской культуре часто заменяет реальную поездку в Западную Европу (с. 222). Выбор объектов рецензии строго профессионален, критика доброжелательна, но строга. Из недостатков работ, которые Сорочан называет, самый существенный — «стремление собрать под

¹³ См., например: *Данилевский Р.Ю.* Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. статей. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Петрополис, 2010. С. 244; см. также работу Петера Бранга, на которую ссылается Данилевский: *Brang P. Zum Schweiz-Mythos in der russischen Literatur // Schweiz – Russland. Россия – Швейцария: Beziehungen und Begegnungen*. Zürich: Offizin-Zurich-Verlags, 1989. S. 127–133).

¹⁴ Яркая, хотя и сбивчивая в русском переводе, книга А. Шёнле была, по-видимому, опубликована чуть раньше обращения автора к этой теме: *Schönle A. Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.

¹⁵ См. новые работы Оффорда, в которых исследователь отходит от темы путешествий, углубляясь в историю идей: *Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia. A social, political, cultural, and literary history*. Amsterdam: Amsterdam University Press B.V., 2018 (см. также рус. перевод К.С. Овериной под ред. В.С. Ржецкого: *Оффорд Д., Ржецкий В.С., Арджент Г. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история*. М.: Новое литературное обозрение, 2022); *Offord D. Ayn Rand and the Russian Intelligentsia: The Origins of an Icon of the American Right*. London: Bloomsbury Academic, 2022; а также И. Клиспис: *Goncharov in the Twenty-First Century / Ed. by I. Kleespies. L. Parts*. Boston: Academic Studies Press, 2021.

¹⁶ Судя по данным национального портала eLIBRARY.ru (он же РИНЦ).

одной обложкой “все мотивы”, отказавшись от единой модели интерпретации» (с. 242). Этим ответственным утверждением можно поверить собственное исследование автора. И оно поверку выдерживает.

Все объединено, помимо материала, одним методологическим вопросом — как писать о путешествиях? Попытки создать концепцию, подчиненную какой-либо из современных гуманитарных методологий, не должны мешать изучать каждый травелог как особое произведение литературы, имеющее свою историю, структуру, pragmatику, — независимо от теоретических предпосылок, с которыми мы к нему подходим. Об этом же говорит предисловие, которое описывает и оценивает множество исследований, как частных, так и обращенных на литературу путешествий в целом. И в начале, и в конце знакомства с книгой полезно прочитать этот солидный по объему (60 страниц) текст, находящийся в ряду наиболее обстоятельных и важных современных обзоров, предпринятых для изучения русской литературы путешествий¹⁷.

Короткая глава «Вместо заключения» не подводит итогов, а напоминает, что разобранный в книге материал путешествий важен для изучения конструирования национальной идентичности. Тем, что в путешествиях открывается сквозной сюжет, мы обязаны материалу XIX в., вниманию автора к периферийным текстам и продуктивности модели «чужое служит для постижения своего» (с. 252).

Сама идея выстраивания этапов данного процесса, подытоженная в этих кратких тезисах, датированных 2015 г., не теряет актуальности и сейчас; надеемся, что и позднее это пригодится. В будущее обращена вся книга; весьма характерны эскизы перспектив изучения того или иного текста или темы (не только в главе о Гончарове, но и, например, о «провинциальном тексте»). Работы, написанные в разное время и по разным поводам¹⁸, выделяют одну и ту же методологическую проблему, вынесенную в заглавие. Изучать литературу путешествий как литературу можно и нужно. Но это не итог, а отправная точка. Вернее, одна из точек. С нею закономерно соотнести результаты практически не использованных здесь автором своих работ об исторической литературе¹⁹; на их подразумеваемый синтез, кажется, есть намеки в рецензируемой книге. Два особых модуса литературы, связанные с пространством и временем соответственно, дают особые формы — внежанровые категории, изучение которых продуктивно сближено в научном творчестве Сорочана.

Знание, приобретенное кропотливой работой с деталями, изучением нитей, связывающих объект с другими явлениями действительности, часто выглядит менее привлекательно на фоне обобщающих концепций. Желательно, чтобы книгу А.Ю. Сорочана обошла такая судьба. Появление новых теорий русской литературы путешествий неизбежно, и в них, как и в частных исследованиях, результаты его работы должны быть использованы.

17 Помимо работ Е.Р. Пономарева, опубликованных «Новым литературным обозрением» (2020. № 1, 6), см. также предисловия к сборникам: Путеводитель как семиотический объект / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2008. С. 15–40; Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. статей / Сост. В.-С. Киссель, Г.А. Тиме; пер. с нем. Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–34; Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–17.

18 См. список первых публикаций (с. 253–254).

19 См., например, докторскую диссертацию А.Ю. Сорочана (2009) и монографию по ее теме: «Формы презентации истории в русской литературе XIX века» (Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015; см. рец. В.А. Кошелева: Новое литературное обозрение. 2016. № 1. С. 337–340), а также статьи о И.И. Лажечникове и Д.Л. Мордовцеве.